

дожественныхъ произведеній; внѣшнимъ выраженіемъ неудовлетворенности служить то, что писатель много разъ исправляетъ и передѣлываетъ свое произведеніе. Но самое слово «страданіе» здѣсь неумѣстно: чувство неудовлетворенности художника только въ рѣдкихъ случаяхъ неотвязно владѣтъ его душой и отличается тою остротой, при которой слѣдуетъ говорить о страданіи. Иногда это понятіе непримѣнимо и потому, что есть роды художественныхъ произведеній, которые, по содержанію, не стоятъ ни въ какомъ отношеніи къ страданіямъ людей; они предполагаютъ у своихъ творцовъ неизмѣнную наличность душевнаго равновѣсія, темпераментъ, который не отличается большой воспріимчивостью къ страданію. Возьмемъ живописца, создающаго исключительно пейзажи, писателя, который сочиняетъ веселыя пѣсни, сказки, шутки. Творчество того и другого можетъ обогащать народъ предметами истиннаго искусства; но эти произведенія не таковы, чтобы, создавая ихъ, человѣкъ непремѣнно переживалъ страданіе. По своему содержанію, эти предметы творчества способны приводить зрителей и читателей въ умиротворенное и даже веселое настроеніе. А если художникъ, окончивъ такое произведеніе, не доволенъ собой, то, обыкновенно, недовольство не достигаетъ остроты, которая позволяла бы говорить о страданіи.

Вопросъ о самоотверженіи, какъ необходимомъ свойствѣ мыслителя и художника, долженъ быть поставленъ въ болѣе тѣсныя рамки, нежели думаетъ Толстой. Слѣдуетъ понимать его лишь въ тѣхъ предѣлахъ, что истинный мыслитель или художникъ отличается большою преданностью своему призванію и готовностью служить ему съ забвеніемъ многихъ личныхъ интересовъ. Въ процессѣ научнаго или художественнаго творчества человѣкъ нерѣдко забываетъ о томъ, что наступилъ часъ его завтрака, обѣда, приѣма лекарства, что нужно навѣстить такое-то лицо, похлопотать въ такомъ то учрежденіи. Изъ біографій разныхъ дѣятелей науки и искусства намъ знакомо множество фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о самоотверженіи этого рода. Но не приходится говорить о самоотверженіи въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ Толстой,—что истинные представители науки и искусства проникнуты желаніемъ служить людямъ и готовностью приносить имъ въ жертву интересы мелкіе и даже крупныя. Напротивъ, когда человѣкъ всецѣло захваченъ научнымъ или художественнымъ творчествомъ, то часто забываетъ о людяхъ вообще и даже о самыхъ близкихъ. Не мало и такихъ примѣровъ, что